

Доучжир и цзяоцюань

Ань Сынянь осознал свою истинную природу довольно рано.

Ему было шестнадцать, он только перешел в старшую школу — время, когда гормоны бушуют, а любопытство не знает границ. Его приятели, среди которых заводилой всегда был Ми Чжи, где-то раздобыли потрепанную эротическую книжку с вызывающим содержанием. В те годы, когда информации катастрофически не хватало, тайные посиделки в раздевалке после уроков за «изучением» подобных материалов были общим секретом всех мальчишек.

Хозяин Ань хорошо помнил тот день: полумрак в углу каморки со спортивным инвентарем, откровенные описания на дешевой бумаге, яркие образы, вспыхивающие в воображении. Всё это легко пробуждало дремавшие инстинкты в еще не знавшем близости теле. Юноша чувствовал, как становится жарко, как кровь бурлит в жилах, как внутри пробуждается самый первобытный позыв.

Однако стоило ему представить на месте героини девушку — будь то невинная скромница или роковая красавица — как всё возбуждение мгновенно улетучивалось, словно его окатили ледяной водой. На смену азарту приходили необъяснимое чувство неловкости и глухая растерянность.

Впрочем, тогда это были лишь смутные сомнения. Город Q был тихим, провинциальным и крайне закрытым местом, где само слово «товарищ» всё еще использовалось исключительно как вежливое обращение, а темы однополых отношений в газетах или на телевидении практически не поднимались.

К тому же воспитание в семье Ань было консервативным и строгим. Всё, что касалось плотских отношений, было окутано плотной завесой запретов, а уж такие «отклонения» и вовсе считались немислимыми.

Поэтому, даже когда подозрения крепили, Сынянь инстинктивно прятался. Он чувствовал себя затравленным зверем под гнетом воображаемого социального давления, страхась ярлыков вроде «ненормальный» или «извращенец». Юноша забился в самый темный уголок своей души и боялся даже высунуться.

Лед тронулся лишь после его поступления в университет Гуанчжоу.

На приветственном вечере для первокурсников на сцену вышел изящный парень в стилизованном ципао. На высоких каблуках, с невероятной грацией он исполнил дерзкий и сексуальный танец в стиле девичьих поп-групп. Крики восторга в зале были такими громкими, что едва не сорвали крышу актового зала.

Когда выступление закончилось, юноша взял микрофон и открыто улыбнулся:

— Спасибо всем! Кстати, давайте знакомиться. Меня зовут Чэн Си, я первокурсник факультета искусств. Люблю танцевать, рисовать... и парней. Буду рад единомышленникам!

Зал на секунду замер, а затем взорвался еще более неистовыми аплодисментами и одобряющим свистом.

Эта искренность, этот ослепительный свет уверенности в себе ударили по Ань Сыняню подобно молнии, вдребезги разбивая панцирь страха, который он растил годами.

Оказалось, с ним всё в порядке. Просто он от природы любил мужчин.

Стоило ему это осознать, как все душевные метания прекратились.

«Так вот оно что»

Он принял себя почти буднично, с легким чувством облегчения. Это не было клеймом позора — просто одна из тысяч черт, составляющих его личность. Такая же естественная, как любовь к кулинарии или неприязнь к напитку доучжир.

За четыре года в университете Ань Сынянь, благодаря своей исключительной внешности, стал настоящей легендой кампуса. Желающих познакомиться с ним поближе хватало: робкие первокурсницы, темпераментные старшекурсницы, спортивные парни и даже Чэн Си, который, несмотря на любовь к женским нарядам, твердо метил на роль лидера в отношениях...

Но Сынянь привык плыть по течению. К чувствам он относился философски, полагаясь на судьбу. Если искра не вспыхивала сразу, то никакие ухаживания, даже самые страстные, не могли заставить его ответить взаимностью. Он никогда не стал бы морочить кому-то голову ради опыта или хвастовства.

Так продолжалось до тех пор, пока в мобильной игре «Вопрошая Дао о вечной жизни» он не встретил своего теперь уже бывшего парня.

Всё началась как обычная игровая рутина: Сынянь взял задание на наставничество и случайно попал в группу к прохожему. Видимо, в тот день удача от него отвернулась, раз судьба столкнула его с таким ничтожеством, как Люй Вэньбинь.

Поначалу их общение было приятным. В том задании они сработались на удивление слаженно, словно понимали друг друга без слов. Групповое подземелье, которое обычно проходили минут за десять, напарники зачистили всего за шесть.

После боя Люй Вэньбинь предложил играть вместе, и юноша добавил его в друзья. С тех пор они стали неразлучны: вместе исследовали новые локации, часами выслеживали мировых боссов. Через два месяца такого тесного общения собеседник, изображая глубокую печаль, поведал о своей ориентации.

Его голос в наушниках звучал низко и растерянно, в нем слышалась та хрупкая уязвимость, которая всегда подкупает:

— Мои родители очень традиционные... Они постоянно твердят о невесте, дают на меня... А я боюсь им сказать. Кажется, мир рушится. Жить так невыносимо тяжело...

Это признание, полное боли, попало точно в цель. Схожее воспитание и давление семьи заставили Сыняня проникнуться симпатией, и их отношения быстро переросли в стадию флирта.

Люй Вэньбинь начал активно ухаживать. Юноша поначалу отказывался и отступал, но неустанная забота и ощущение «родства душ», усиленное игровой атмосферой, капля за каплей подтачивали его защиту.

Решающим стал момент, когда Сынянь сильно простудился и лежал в общежитии один. Вэньбинь не отключал видеосвязь весь день: утешал тихим голосом, напоминал вовремя принять лекарства, рассказывал шутки, чтобы тот не скучал. В состоянии болезни и одиночества эта чуткость казалась невероятно теплой и необходимой.

Когда Люй Вэньбинь снова признался в любви, Сынянь посмотрел на его обеспокоенное лицо на экране, услышал этот уже ставший родным голос и после недолгого молчания едва заметно кивнул.

Они встретились в реальности через три месяца. Честно говоря, внешность мужчины была заурядной: густые брови, узкие глаза, смуглая кожа. Он не был уродом, просто обычный парень, который легко затерялся бы в толпе.

Но именно эта обычность внушала доверие, создавая образ честного и порядочного человека.

Для Ань Сыняня он стал кем-то вроде дикой утки среди стаи прекрасных лебедей — не слишком эффектный, но такой безопасный и уютный. Единственным его ярким достоинством была спортивная фигура, результат долгих тренировок в спортзале, и всегда безупречно подобранный гардероб.

Тогда юноша еще не понимал, что за этим скрывается.

Люй Вэньбинь жил в Киото, в тысяче километров от него. За полтора года отношений они виделись считанное количество раз. В канун позапрошлого китайского Нового года напарник

прилетел в город Q, чтобы провести праздник вместе. Хозяин Ань уже был готов перевести их отношения на новый уровень, но сообщение в телефоне, лежавшем на тумбочке в отеле, разрушило всё в один миг.

Он не собирался шпионить. Просто экран загорелся, когда Вэньбинь ушел в душ, и Сынянь невольно прочитал:

[Ся: Муж, ты когда будешь дома? У сына поднялась температура, я повезла его в больницу]

Муж?

Сын?

Этот человек не просто обманывал его. Он был подлецом, который вел двойную жизнь, предав и жену, и своего «партнера», а у него, оказывается, уже был ребенок!

Шок и ярость от того, как подло им манипулировали, сжали сердце юноши ледяными тисками. Он не стал устраивать сцен, не стал кричать. Ему было противно даже смотреть в сторону ванной — он боялся, что его стошнит от омерзения.

Сынянь схватил свои вещи и выскочил из номера, захлопнув дверь за своей первой любовью, которая оказалась сплошной ложью.

Он плохо помнил, как добрался домой в ту холодную новогоднюю ночь. Оказавшись в своей комнате, юноша первым делом хотел заблокировать этого человека, но телефон разрывался от звонков. Один, второй, третий... Наверное, в подсознании еще теплилась глупая надежда на объяснение, и Сынянь, поддавшись импульсу, нажал на кнопку приема.

— Сынянь! Ты что творишь?! Послушай меня, всё не так, как ты подумал! — Люй Вэньбинь орал в трубку, и в его голосе смешивались гнев и страх разоблачения.

— Всё не так? Объясни тогда, почему какая-то женщина называет тебя мужем? Расскажи про сына, который ждет отца из больницы! — голос Сыняня дрожал от ярости, но звучал громко.

— Это... Это моя двоюродная сестра! Она так шутит! А ребенок — племянник, мы просто живем в одном доме. Ты мой парень, мы полтора года вместе, неужели ты мне совсем не веришь?! Они...

— Довольно! Люй Вэньбинь, ты мне противен! — Сынянь оборвал этот поток жалкой лжи и заблокировал номер.

В мире наконец-то стало тихо.

Но было уже поздно.

Вне себя от гнева, он не заметил, что в его комнате был кто-то еще — двоюродный брат, которого мать уложила спать вместе с ним. Мальчишка вскочил на кровати и, вытаращив глаза, выкрикнул:

— Брат! У тебя что... есть парень?! И у него сын?!

Не дожидаясь ответа, он сорвался с места, выскочил из комнаты и заголосил на весь дом:

— Мама! Я не буду спать с братом, он больной!!!

В гостиной, где родственники праздновали Новый год, воцарилась гробовая тишина. Все взгляды обратились на Сыняня.

Так закончилась его жизнь в семье Ань...

— Еще не спишь?

Хриплый голос вернул Ань Сыняня в реальность. Он обернулся: Янь Чжэнь уже поднялся со стула.

Сынянь заметил, что за это короткое время медитации офицер снова продвинулся вперед. Видимо, новые знания помогли ему глубже осознать суть пути совершенствования.

Хозяин Ань отправил Люй Вэньбиню геолокацию усадьбы и снова отправил его в черный список. Убрав телефон, он поднял на руки Чэньпи, который крутился у его ног.

— Собираюсь. Спасибо, что присмотрел за домом сегодня.

Уголок губ Янь Чжэня едва заметно дрогнул.

— Да, чуть не забыл. Даос перед уходом просил передать, что он забронировал комнату на втором этаже. Завтра... — он взглянул на часы, показывавшие три часа ночи, — то есть уже сегодня днем обещал приехать с вещами.

Сынянь нахмурился. Храм Сюаньюань находится прямо под горой, зачем даосу перебираться в гостевой дом?

Ясно, что дело тут не в ночлеге.

Юноша поставил перед офицером приготовленный перекус и задумался. Духовная энергия вокруг становилась всё плотнее, изменения в природе были налицо. Рано или поздно мир узнает правду, вечно скрываться не получится.

Сегодняшний полет над проливом показал, что его силы велики. Несмотря на огромный расход энергии, её поток внутри оставался мощным и непрерывным — явный признак того, что стадия Создания Основы завершена. Это состояние явно превосходило возможности стадии Переработки Ци.

На самом деле Сыняню и самому было любопытно узнать побольше о местных школах совершенствования. Когда даос поселится здесь, можно будет понаблюдать. Если тот не проявит враждебности, можно будет и поговорить начистоту.

Ну а если у него дурные намерения... Что ж, хозяин Ань теперь на стадии Создания Основы, и Тэн Бао всегда при нем. Он не боялся чужих проверок.

Его тело, перерожденное духовной энергией, стало невероятно прочным. Обычный нож теперь не оставил бы на нем даже царапины, разве что едва заметный след на коже. Холодное оружие стало бесполезным, а что касается огнестрельного...

Пули, возможно, могли нанести вред, но с нынешней скоростью реакции, защитными талисманами и помощью Тэн Бао эта угроза была минимальной. А что-то более мощное он в жизни не видел, так что и оценивать не брался.

Продвижение в ранге — это прекрасно, но вот как он прошел испытание Демоном сердца, Сынянь так и не понял.

«Может быть, из-за того, что на Земле раньше не было духовной энергии, правила здесь иные? Нет Небесных скорбей, нет Демонов сердца?»

Или они просто затаились в глубинах подсознания современного человека, ожидая своего часа?

«Возможно, ответ придет на стадии Золотого ядра»

Сынянь посмотрел на Янь Чжэня. Большая миска с доучжиром стояла нетронутой, хотя два хрустящих колечка цзяоцюань уже исчезли. Вид у мужчины был такой, словно он готовился к решающему бою, брови его были сурово сдвинуты.

— Почему не пьешь? Всухомятку ведь невкусно. Или... получилось не так, как в Киото?

Юноша был уверен, что в точности соблюдал рецепт старых столичных мастеров. Неужели что-то пошло не так?

На самом деле всё получилось слишком правильно. Настолько, что Янь Чжэнь мутило от одного запаха.

Он хотел было вежливо сказать, что всё в порядке, но его актерских способностей на это не хватило. Встретившись взглядом с янтарными глазами Сыняня, в которых читались искреннее любопытство и забота, офицер набрал в грудь воздуха, поднес миску к губам и сделал глоток...

Резкий, специфический аромат ударил в нос. Янь Чжэнь с трудом проглотил жидкость. В животе словно взорвалась бомба из несвежих помоев, тошнота мгновенно подступила к самому горлу.

Всё, второго глотка он не вынесет. Мужчина чувствовал, что его лицо стало таким же серо-зеленым, как этот злополучный напиток.

Ему очень не хотелось обижать хозяина Ань, ведь это был его первый знак внимания, но для человека, не привыкшего к доучжиру, это было сущим биологическим оружием. Сила воли тут была бессильна.

— Ты... не любишь доучжир? — Сынянь с недоумением смотрел на его мучения. — Ты же житель Киото!

— И что с того? Не все в столице обязаны любить эту дрянь, — едва выдавил Янь Чжэнь.

В его семье этот напиток обожали все, особенно дед, Янь Чэнъе. А вот внук с детства не выносил даже запаха. Именно поэтому он никогда не завтракал со стариком — не хотел портить тому аппетит своим кислым видом.

Сынянь об этом не знал, он ведь старался от души. Янь Чжэнь плотно сжал губы, боясь, что наружу вырвется нечто большее, чем просто слова.

Юноша подозрительно прищурился. Если Янь Чжэнь так ненавидит доучжир, зачем он назвал этим именем своего кота? Совершенно нелогично.

Под его пристальным взглядом офицер отвел глаза, схватил последнее колечко цзяоцюань и принялся яростно жевать, пытаясь запить ими послевкусие. В итоге он едва не подавился:

— Кха... вкусно... кха-кха!

Сынянь вздохнул. Наблюдая за покрасневшим и явно сконфуженным офицером, он

почувствовал, как раздражение сменяется смехом.

Жаль только, что продукт придется выбросить — впервые в его практике. Хозяин Ань взял миску и направился к кухне. Уже у раковины он, поддавшись необъяснимому порыву, решил сам понюхать свое творение.

Резкий, пронзительный запах, словно мощный апперкот, обрушился на обонятельные рецепторы!

— Бе-е... — Сынянь мгновенно отшатнулся, на его лице застыла та же гримаса страдания, что и у Янь Чжэня.

Зачем люди вообще это делают? Знают же, что будет плохо, но всё равно лезут проверять...

Новый день начался ярко. Это был день официального открытия гостевого дома «Сытая Обители Бессмертных».

Погода была чудесной: небо казалось безупречно чистым, а морской бриз приносил свежий аромат трав. Сяо Ин расстаралась и расширила ковер из цветов еще на несколько метров. Кот Доучжир лениво щурился на диване, а Чэньпи с радостным лаем носился по двору.

Настроение хозяина Ань было прекрасным. Ночные тени рассеялись, и он с самого утра хлопотал на кухне, одаряя каждого спускающегося вниз постояльца лучезарной улыбкой.

Фэн Лэлэ, приехавшая вместе с будущей свекровью, встала рано. Не зная, чем занять себя, она спустилась вниз и предложила Сыняню помощь, а заодно решила немного посплетничать.

— Слушай, а девочка из соседнего номера... Тебе не кажется, что мать её слишком уж опекает?

— М-м? — Сынянь ловко очищал водяной орех.

Он подумал, что интуиция у женщин и впрямь развита сильнее. Он сам в первый день даже немного завидовал такой заботе, а Фэн Лэлэ за несколько часов почувствовала неладное.

— Честно, я вчера просто глазам своим не поверила. Представляешь, мать ей даже время посещения туалета засекает! Спрашивает заранее: «Тебе по-большому или по-маленькому?» На «маленькое» дает пять минут, на «большое» — десять. Если время вышло, начинает барабанить в дверь и кричать: «Ты скоро там? Почему так долго?!» Я просто в шоке была... Это же... просто дышать невозможно рядом с ней.

Глаза Фэн Лэлэ округлились от негодования. Было видно, что она под сильным впечатлением.

Рука Сыняня на мгновение замерла.

На самом деле проблема была глубже. Пищевое расстройство Фан Юйтун явно было связано с матерью. Во время еды девочка постоянно следила за реакцией Чжан Ли: стоило той нахмуриться, как Юйтун тут же откладывала палочки, даже если блюдо ей нравилось. И наоборот — давилась тем, что не любила, если мать бросала на неё строгий взгляд.

Трудно представить, под каким давлением формировались такие рефлексy. Это было явно ненормально.

— Наверное, она просто слишком за неё боится, — осторожно произнес Сынянь, стараясь не делать поспешных выводов.

— Да это уже не страх, это клиника! Ребенок ведь тоже личность, — проворчала Фэн Лэлэ. — Бедная девчонка, мне её до слез жалко.

Юноша кивнул. Нужно было как-то помочь своей маленькой поклоннице. Он решил, что во время обеда попробует отвлечь Чжан Ли разговорами о кулинарии, чтобы лучше разобраться в ситуации.

В то же самое время в районе Наньху города S господин Хуан получил посылку. Это были две веточки Мятy Звёздного сияния, которые он купил у владельца гостевого дома пару дней назад.

Господин Хуан был известным фуд-блогером под ником «Что сегодня ест А Фэй?». У него был почти миллион подписчиков, и в своей сфере он считался авторитетом.

Работа на камеру кажется легкой только со стороны: сидишь и ешь. На деле же это тяжелый труд. Особенно сейчас, когда конкуренция стала бешеной. Многие ради просмотров идут на безумства: на камеру поглощают горы еды, а потом за кадром вызывают рвоту. Это губит желудок, зубы и приводит к серьезным болезням.

А Фэй был из «честных» едоков. Он был обеспеченным человеком и занимался блогот ради удовольствия. Мужчина любил вкусную еду и умел её ценить, поэтому старался не переходить границы разумного.

Однако годы работы дали о себе знать: горло постоянно болело, а желудок часто мучил дискомфорт. Блогер привык пить мятную воду, но в последнее время она перестала помогать. Вот уже неделю горло саднило так, словно в нем застряла горсть раскаленной стальной

проводами. Лекарства давали лишь временное облегчение.

На трансляцию «Сытой Обители Бессмертных» он наткнулся случайно. Его привлекла техника приготовления медовой свинины чашао — так готовят только мастера. Из уважения к таланту повара он заинтересовался и растением, которое тот так хвалил, и заказал пару веточек.

Холодная доставка сработала быстро: посылка уже стояла у двери.

Едва он открыл коробку, как почувствовал удивительно свежий, чистый аромат, пробившийся сквозь упаковку. Мужчина осторожно развернул салфетки. На свет показались нежно-зеленые листочки. Стебли были крепкими, а мельчайшие ворсинки на листьях буквально сияли свежестью.

Ворча на прижимистого хозяина, который пожалел даже простенький горшок, А Фэй не выдержал: сорвал несколько листков Мяты Звёздного сияния, промыл их, слегка растер в ладонях и бросил в стакан.

Если растение немного помять перед завариванием, эфирные масла выделяются быстрее, даря приятную прохладу даже в теплой воде.

Уже через пару минут А Фэй понял, что приобрел нечто необычное.

Листья в воде медленно расправлялись, напоминая крылья бабочки. Между ворсинками заблестели крошечные пузырьки воздуха, похожие на россыпь мелких алмазов в лучах солнца. Он знал: так выглядит только идеально свежий духовный материал, полный жизненных сил.

Он сделал глоток. Вслед за мягкой прохладой пришла едва заметная горчинка, а за ней — удивительная, незнакомая сладость.

Когда стакан опустел, А Фэй с изумлением осознал: боль, терзавшая его неделю, исчезла. В горле осталось долгое, чистое послевкусие свежести. Самым странным было то, что он, сам того не заметив, съел и сами листочки.

В его голове пронеслась классическая фраза:

«Боже мой, неужели это правда?!»

Это был настоящий эликсир! И всего за сто юаней за веточку!

Он просто обязан был оставить отзыв этому честному владельцу.

А тем временем «честный владелец» Сынянь крутился на кухне как белка в колесе, мечтая о том, чтобы у его Тэн Бао выросло сразу восемь рук — работы было невпроворот.

<http://bllate.org/book/15856/1443689>